

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я. МАРРА

Н.Я. МАРР

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1937

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ИМЕНИ Н.Я. МАРРА

Н.Я. МАРР

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1937

Отв. редактор *И. А. Орбели.* Техн. редактор *П. С. Смирнов*
Корректор *К. А. Гравер*

Сдано в набор 27/VIII 1936 г. Подписано к печати 9 VI 1937 г. Союзгиз № 1661.
Леноблгорлит № 3214. Тираж 5000 экз. Формат бум. 72×110¹/₁₆. Объем 33,6 уч.-авт. л.
20³/₄ печ. л. Тип. зн. в 1 сум. л. 109030. Заказ № 2166.

Цена книги 12 р. 75 к. Переплет 1 р. 75 к.

Постановка учения об языке в мировом масштабе и абхазский язык¹

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть грузинская поговорка: *rdalo shen geubnebi da mulo shen gamigoneo* 'невестка, тебе я говорю, а, золовка, ты меня слушай!'. Наш доклад говорит об абхазском и обращен к абхазам, но существо высказываний могло бы говорить и сердцу специалистов других языков, во всяком случае касается не одного абхазского языка.

С этой оговоркой-предисловием доклад печатается без всякого изменения так, как он был прочитан абхазам в конце апреля 1928 г. в Сухуме с обращением к ним и к их злободневным культурным запросам.²

Уважаемый председатель, т. Гулия, мне передал ваше постановление от 9 января, постановление Академии абхазского языка и литературы, о моем избрании почетным ее председателем, и первым словом сегодняшнего моего здесь выступления, естественно, быть выражению благодарности, и это не потому, что избрание со стороны такого типа молодой Академии, как ваша, совершенно искренно я считал бы для себя по многим основаниям большей честью, чем если бы меня избрали членом какого-либо старого заслуженного исследовательского учреждения, но и потому, что этот вами скрепленный акт, надеюсь, укрепит связи Академии абхазского языка и литературы с новым учением об языке и организациями, в которых оно разрабатывается или отвоевывает себе положение для беспрепятственной свободной разработки. Нам нечего скрывать, что у нового учения об языке, опрокидывающего вместе с основными положениями старого учения о звуковой речи ряд пережиточных, общественно доселе живучих, взглядов на нацию, на национальные языки и их роли, на значение бесписьменных или младописьменных и древнелитературных языков и т. д. и т. д., много врагов не только во вражеском стане, но и среди (и это нисколько не странно) ее друзей, среди ее, казалось бы, ближайших последователей и приверженцев, самих учеников, ибо трудно не отходить в сторону под напором старого привычного мирозерцания при подкупающем лозунге свободы научного мышления и не впасть в научное диссидентство. Хочу надеяться, что молодая Академия абхазского языка и литературы будет не только нашей приятной подругой, как бы личным другом, но и верной союзницей нового учения об языке. Ведь оно много обязано и еще более надеется быть обязанным своим уточнением, углублением и развитием именно абхазскому языку.

¹ Доклад, прочитанный в конце апреля 1928 г. в заседании Академии абхазского языка и литературы в Сухуме. Издан отдельной брошюрой в серии Ленинградского Восточного института.

² См. Отчет по весенней (14 апреля — 3 мая 1928 г.) командировке в Абхазию (в приложениях к протоколам ОГН АН).

Знаю отлично, как вас волнует вопрос, как будто решенный, но не перестающий быть злободневным, — вопрос о письме, ибо снова выдвигается он в линию злободневности, выдвигает же его каждая волна новых массовых работников по родному абхазскому языку, каждый спец или мянций себя спецом, прикасающийся впервые к абхазскому или углубляющийся по уши в него, до забвения окружающего мира. Это вопрос о новом абхазском алфавите, в частности об алфавите яфетидологическом, выработанном по новому учению об языке, по яфетической теории. Я решил потому подойти к этому вопросу, но не для защиты этого лингвистически построенного письма (защитить не от чего, ибо не вижу ни одного теоретически состоятельного возражения), а для того, чтобы поделиться с вами мыслью, что нельзя к алфавиту подходить как к явлению исключительно формальному или как к явлению, требующему разъяснения в связи лишь с физиологиею звуков. Алфавит в современном его понимании неразрывно связан, как и учение о звуках речевой культуры, так наз. фонетика, с идеологиею звукового языка. Без учета этой идеологии, содержания звуков речевой культуры, строя и функции, нельзя строить в наши дни то, что служит лишь техническим ее выражением, в частности и прежде всего — письмо. Да и прежде посильно также идеологически строилось каждое письмо, в начале идеографическое, затем клинообразное, письмо египетское, китайское, ассиро-вавилонское, так строился каждый алфавит при средиземноморцах, иберийцах, берберцах, если не глосельцах (буде они не окажутся выдумкой фальсифицирующих древности), при финикийцах, греках, римлянах, арамейцах, в Индии при творцах деванагири санскрита, при персах, арабах, армянах, грузинах, орхонских турках, германцах, болгарях, русских и т. д. Разница, однако, есть. Тогда алфавит, обслуживая идеологически изолируемый классовыми интересами мир, составлялся в призме понимания данного языка в его изолированности и с учетом различающих его с другими языками особенностей, но современное учение об языке в корне расходится с пониманием и мировоззрением не только древних эпох, когда создались и созданы основные системы письма, оно расходится с пониманием и мировоззрением лингвистов XIX и даже XX вв., пониманием идеалистическим. Когда же было им единственно доступно при орудовании формальным методом; более того, само яфетическое языкознание лишь постепенно пришло к установке материалистически-идеологического метода в исследовании речи, к материалистическому построению теории об ее происхождении и развитии, и неразрывно вместе с ним, через него, к освобождению от пут формального учения, и совершенно верно указывается нашими противниками, что тридцать, двадцать (я бы прибавил: пятнадцать, десять лет тому назад нами делались утверждения иного порядка, вернее — добыты в ином порядке; только мы это не считаем недостатком, а естественным результатом развития и эволюционного видоизменения самого нового учения об языке.

Двенадцать лет тому назад была мною впервые прочитана здесь, в Сухуме, лекция, посвященная выявлению значения изучения абхазского языка;¹ она была

¹ ЖМНП, 1916, № 5 [ИР, т. I, стр. 59—78].

озаглавлена «Кавказоведение и абхазский язык». Ее предварили и за нею последовали другие специальные статьи, посвященные изучению абхазской речи, ряду тех или других вопросов, до сих пор не перестающих занимать ученых, интересующихся происхождением языков. Эти вопросы не могут не интересовать, в частности, и тех, кто интересуется происхождением и строем данного языка, терминологией его первобытного строя, терминами родства, равно как и терминами вообще социальных отношений и мировоззрением абхазской, ныне народной в целом общественности, как бы общей подосновы и современной классовой религии, любой из мировых, христианской или мусульманской, которая присуща той или иной группировке абхазского народа. Следовательно, речь об интересе и к языку специально-абхазских мировоззрений, и, как казалось, изначально народного абхазского культа, к номенклатуре племенных взаимоотношений, включая название или названия самих абхазов, родовые имена и прозвища, топонимику, т. е. названия населенных пунктов, гор, рек и т. п., и, само собой разумеется, к отношению абхазского языка к другим языкам и Кавказа и вне Кавказа в целом и в частности. Сюда же приходил, естественно, интерес к технике изучения абхазского языка, прежде всего в облегчение точной регистрации фактов абхазской речи. Ясное дело, что все это делалось с определенной установкой вообще сложившегося тогда нового учения об языке и, в частности, намечавшегося соответственно изучения самого абхазского языка по яфетической теории, т. е., следовательно, определенным методом, но этот метод тогда и у яфетидолога был формально-сравнительный, с тем лишь отличием от сравнительного метода старого учения об языке, что сравнение применялось в области, обойденной единственно тогда существовавшим и неограниченно господствовавшим «лингвистическим» учением. А это вносило в наш формально-сравнительный метод новые моменты, так как хотя формальный метод применялся также к языкам одной, по принятой тогда терминологии, «семьи», яфетической, но языки этой так называемой семьи, собственно системы, представляют весьма различные типы, даже различные, на поверхностный взгляд непримиримые системы, как то постепенно стало разъясняться. Соответственного порядка были печатавшиеся тогда работы по абхазскому языку: «Из лингвистической поездки в Абхазию (к этнологическим вопросам)»,¹ «Яфетическое происхождение абхазских терминов родства»,² «О религиозных верованиях абхазов»,³ «История термина „абхаз“»,⁴ «Из абхазских личных имен»,⁵ «О записывании абхазских текстов».⁶

Такова же, конечно, еще архаичнее по строгой преданности сравнительному методу, формальному учению, первая ориентировочная работа по абхазской речи, вызванная издававшимся мною по поручению АН трудом Петра Чарая, опытом сравнительного изучения абхазского языка с грузинским, да и с египетским. Она была составлена на основании существовавших в литературе материалов,

¹ ИАН, 1913, стр. 302—334.

² ИАН, 1912, стр. 423—432.

³ ХВ, т. IV, стр. 113—140.

⁴ ИАН, 1912, стр. 697—706.

⁵ ХВ, т. II, стр. 400—402.

⁶ Пособие для работ по яфетическому языкознанию, вып. I, СПб, 1917.

еще до услышания мною какого-либо живого слова, подлинного абхазского звука из абхазских уст. Это работа «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических».¹ Эта моя работа настолько архаична по строгой преданности сравнительному методу, что Петр Чарая, более свободно обращавшийся, как самоучка, с формальным сравнительным методом, просто-напросто по незнанию его требований игнорировавший их, оказался, как выявили позднейшие события, события наших дней, часто утверждающим истину или ближе подходящим к истине, чем ваш покорный слуга, убежденный тогда в большей состоятельности формально-сравнительного метода и усиленно старавшийся его вырабатывать и для яфетических языков, на нем базировать целиком свои изыскания, прежде всего, следовательно, на установлении фонетических законов и звуко-соответствий, равно морфологических явлений, т. е. опять учения о формах.

Все это отошло в прошлое настолько основательно, что если бы меня спросили, какую работу я рекомендовал бы из печатных для ознакомления с общим ныне положением лингвистического изучения абхазского языка, то я совершенно правильно мог бы ответить: «никакую». Не мог бы я теперь рекомендовать в этих целях не только первой названной мною ориентировочной работы «К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических», но и центрального вводного обобщения «Кавказоведение и абхазский язык».

Что же случилось? Разве изучение абхазского языка так сильно подвинулось вперед или мы сами так далеко пошли в практическом овладении им, что, исходя из лучшей изученности самой абхазской речи, мы вынуждены повернуть свой курс? Ничего подобного.

Конечно, никто не будет отрицать, что за последние годы, особенно за годы после Октябрьской революции, внимание к изучению абхазского языка обострилось и число изучающих его увеличилось. Но это оживление абхазоведных работ связано с ростом общественного интереса ко всем социальным группировкам в СССР, в том числе и абхазской национальности, и с ростом самосознания каждой национальности и ее самостоятельности в использовании открывшейся ей возможности дать свое общественное самоопределение в новом советском социалистическом строе не только по хозяйственной линии, но и по линии имеющихся в ее распоряжении культурных ценностей. Какая же культурная ценность в самоопределении абхазов может стать выше родного их языка? И о каком абхазском общественном самоопределении в путях советской власти может быть речь, если многотысячная масса абхазского народа не будет к ней приобщена в срочном порядке, т. е. если орудие общения этой массы не будет бережно изучено и пущено в ход незамедлительно, тоже без отсрочки? Естественен в связи с этим и рост интереса в самом народе, его сознательной части, к языку, открывающему путь к имеющей ближайше наступить его новой культурности.

Что сделано на месте в Абхазии по этой части, выявление того — это ваше дело. Я же хотел бы здесь как бы отчитаться в том, что сделано по изучению абхазской речи в свете нового учения об языке, так называемой яфетической теории.

Разве два слова о деятельности местных сил.

Организирующая роль сосредоточиваемых в вашей Академии исканий по абхазской литературе имеет громадное значение для будущего. Пока важен самый факт ее существования и ее посильной работы, медленность которой всем будет понятна от недостатка специалистов и менее понятна, если будет зависеть лишь от неимения средств на производство даже той работы, для выполнения которой вполне достаточно наличных рабочих сил. Разумеется, в этом же смысле залогом усиления организующей роли Академии вашей родной речи и литературы явится вхождение в нее молодых готовящихся специалистов-абхазов по языку, чем стать подают основательные надежды гг. Кукба и Хашба, одновременно с усвоением новой теории успевающие и сейчас делать научно и практически полезные работы, как, напр., только что отпечатанный Русско-абхазский словарь, собственно Русско-абхазский указатель к моему Абхазско-русскому словарю, выявляющий, что абхазских слов в этом словаре гораздо больше, чем можно было себе представить по числу гнезд, труд Яфетического семинария Восточного института, выполненный названными молодыми абхазоведами под руководством К. Д. Дондуа.

В чем же дело? Откуда такой коренной поворот в постановке изучения абхазского языка?

Дело в коренной перемене постановки общего учения об языке, с переходом от формального учения к идеологическому, также сравнительному, но с учетом связи происхождения и роста языка с общественностью, с историею ее хозяйства, ее организационных форм и всех надстроечных ценностей, в том числе и мировоззрения. Отсюда ясно, что не только язык выявился органически увязанным с жизнью и вопрос об его осложнении требует дальнейшего своего в этом смысле уточнения и углубления, но и само языковедное учение оказалось увязанным с современным у нас идущим к реализации и в этом смысле текущим социальным строем, его теоретическим обоснованием, марксизмом, и возвращаться назад к старому учению нам незачем, когда это схождение явилось независимым, скажу более — неожиданным для нас результатом объективного изучения лингвистических фактов.

За это время, последние восемь лет, особенно пять лет, яфетическая теория вышла в специальных своих изысканиях сначала пространственно и количественно, затем и качественно, за пределы интересов к одним кавказским языкам, перешла практически к изысканиям сравнительным вне расклассифицированных старым учением по так наз. семьям языков, и это изучение перенесло метод, завещанный от подхода к языку, как к биологическому, чуть ли не физиологическому явлению, где звуки и формы захватывали все внимание, к материально новой исследовательской обстановке с необходимостью подходить к языку, хочешь не хочешь, как социальному по самому складу своему явлению, где идеология построения речи оказалась органически связанной не с кровью, не с физической природой человеческих группировок, а с хозяйством и техникой и выраставшим из них и с ними мировоззрением. Сами группировки человеческих существ, коллективные творцы звуковой речи, оказались в зародыше объединениями не родо-

выми по крови или по физическим данным, а домостроительными по общности хозяйственных интересов и потребностей обороны и борьбы независимо от цвета кожи, черепных или иных антропологических характеристик. Кое-что этого порядка проскальзывало, в зависимости от свойств яфетических языков, и в прежних работах: так, не мало соответственных мыслей можно наблюдать в работе даже 1920 г., отпечатанной лишь в 1921 г. в Лейпциге, под заглавием «Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры»,¹ но теоретическое осознание всего построения, действительно новое и по идеологии, и по технике учение, стало слагаться после 1924 г., когда выявилось, что все языки мира находятся в родстве друг с другом, что родство это, основной или первичный его фонд, в источнике явно социальное, от схождения в общественном строительстве, а не расовое в путях происхождения от общих родителей. В печати поворот этот отмечается с опубликования в ДАН заметки в две странички под заглавием «Индоевропейские языки Средиземноморья».²

С этого времени появляются работы наши иного порядка и по абхазскому языку, все более и более освобождающиеся от пережитков формального метода, таковы:

1. Термины из абхазо-русских этнических связей. «Лопадь» и «Тризна» (К вопросу о племенном происхождении средиземноморского населения). Издание Наркомпроса Абхазии, Ленинград, 1925.³

2. Абхазоведение и абхазы (К вопросу о происхождении абхазов и этногонии восточной Европы). Труд, появившийся в Восточном сборнике, т. I, издание ГПБ в Ленинграде, 1926.⁴

3. Русское «человек», абх. а-оуџ, ДАН, 1926, стр. 81—83.⁵

4. Технического порядка: Абхазский аналитический алфавит (К вопросу о реформах письма). Издание ЛИЖВЯ, 1926.⁶

Однако, не всегда можно судить о методе работы по времени ее появления в печати: так «Абхазско-русский словарь» зачат был и выполнен еще при формальном методе. хотя появился недавно (1926 г.), и потому в предисловии и по этой части я вынужден был поделиться новой постановкой изучения и абхазского языка.

Впрочем, и по заглавиям нельзя узнать, где трактуется абхазский язык или в общем освещении, или в специальном разъяснении в наших работах; так об абхазском речь идет в работе «Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории (К увязке языкознания с материальной культурой)».⁷

Однако, общее учение об языке пошло еще дальше. А как дальше?

А вот выяснилось, что не только не было единого праязыка или вообще языков, восстановлением которых занимались и продолжают заниматься уважаемые коллеги старой школы, но вначале не было вообще звуковой речи, хотя

¹ Перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 31—104 [ИР, т. I, стр. 79—124].

² ДАН, 1924, стр. 6—7, перепечатано в ПЭРЯТ, стр. 244—245 [ИР, т. I, стр. 185—186].

³ [ИР, т. V, стр. 117—152.]

⁴ [ИР, т. V, стр. 162—186.]

⁵ [ИР, т. V, стр. 187—190.]

⁶ [ИР, т. II, стр. 321—351.]

⁷ [ИР, т. III, стр. 123—151.]

язык уже имелся. Не только дело не начиналось с отдельных звуков, когда стала слагаться звуковая речь, но представление об особом бытии этих речевых элементов, так называемых фонем, — совсем позднее явление, и звуковые законы, устанавливаемые в интересах формальной классификации определенных языков, имеют значение для языков позднейших стадий развития, да и в них, чем древнее система звуковой речи, чем древнее стадияльное ее развитие, тем свободнее и неустойчивее эти так называемые фонетические законы. Вопрос об очеловечении животных звуков в целях непосредственного создания звуковой речи есть одно недоразумение, ныне подлежащее скорейшей сдаче в архив. Между говорящим человеком и животным, абсолютно не имеющим речи человеческой природы, глубочайшая пропасть. Пропасть эта была бы непроходимой, следовательно, язык пришлось бы признать даром божьим или, что то же, чудом природы, если бы в промежутке не господствовало и не творило существо, выработавшее себе руки, оно же *homo sapiens*, человек уже с разумом, ибо руки дали человеку возможность творить и знать, руки служили орудием общения, руками говорили в течение многих десятков тысячелетий, говорили ручной речью, языком кинетическим, языком жестов и мимических движений, и люди в обиходной жизни не нуждались ни в какой звуковой речи. Потребность в звуковой речи возникла с образованием зачатков классовой дифференциации, когда в связи с магией выработалась специальная группировка с таинственными магическими действиями в плясках, песни и играх, где в процессе мерного выкрикивания стали выделяться артикулированные звучания, членораздельные комплексы будущих отдельных звуков, слова-символы магического значения. Вначале, при возникновении звуковой речи было всего-навсего, точнее — глоттогонически использовано было четыре таких слова, четыре элемента, обозначаемых нами условно четырьмя прописными буквами латинского алфавита A, B, C, D. Все языки мира, о части ли словарной идет речь, или о грамматическом строе, состоят из этих, только из этих четырех элементов, так как эти элементы, не означавшие вначале ничего, имея лишь функцию магического средства, впоследствии стали тотемами, далее предметами культа, далее божествами отдельных социальных группировок и сделались еще позднее (именно, после возникновения племен и лишь в связи с ним выделившихся родов) племенными названиями. И потому-то эти четыре элемента иногда называются племенными названиями в условно выбранных наиболее распространенных разновидностях, разумеется, позднейшего происхождения: *sal* (элемент A), *ber* (элемент B), *uon* (элемент C), *goth* (элемент D). Эти ныне отбираемые нами разновидности четырех элементов, эти так наз. племенные названия *sal*, *ber*, *uon*, *goth*, в своей безукоризненной речевой членораздельности, повторяю — позднейшего происхождения, они лишь условные в отношении происхождения заместители первичных четырех звуковых комплексов магического действия, и одно сплошное недоразумение, когда их пытаются свести к трем или даже к одному архетипу путем отождествления отдельных в их составе звуков, первично вовсе не выделявшихся как отдельные фонемы.

В учебнике нового учения об языке имеется таблица основных закономерных видоизменений этих четырех элементов, на которые разлагаются все звуковые

языки мира,¹ следовательно, и абхазская речь. А смысл этих четырех элементов? Первоначально никакого, ибо, еще раз повторяем, не для языка они создались, а впоследствии долго держался один и тот же смысл. И это позднейшее осмысление определялось историей хозяйства, форм общественного строя и мировоззрения, и лишь с развитием этих социально-экономических факторов развивалось и богатело содержание языка, умножались и уточнялись значимости его элементов, уже слов. Как нельзя ни одному народу вести особого хозяйства в путях развития без связи с другим народом, так не было и не могло быть у отдельного какого-либо народа независимого языкотворчества. Языкотворчество, или глоттогония, есть процесс мировой, и на этом пути значение исключительного фактора получило так называемое скрещение, когда в процессе схождения различных социальных группировок и далее образования ими более сложных хозяйственных ячеек, впоследствии племенных образований, и еще далее наций, простые элементы, слова отдельных социальных группировок, двух, даже трех — слова с одинаковым значением соединялись воедино, образуя так называемые скрещенные слова. Без этого процесса звуковая речь не могла развиваться. Звуковая речь, однако, долго распространялась классово, как впоследствии, по изобретении письма — грамотность. Люди долго также обходились без звуковой речи, беседуя свободно кинетическим языком, ручным языком линейных движений, как доселе миллионы населения обходятся без письма, просто неграмотны и в так называемых культурных странах.

Классовая культура, делая свой отбор, довела развитие одних языков, государственных, так называемых национальных, на самом деле также классовых, или доводила их до последних ступеней развития, до системы наиболее развитых, отбрасывая на своем пути языковые интересы других, уже беззащитных, хотя и используемых классов. В то же время руководящие классы различных стадий общественного развития, при их отходе в процессе диалектического развития от средоточения общей работы над приращением речевой культуры, при появлении им схемы в центре языкотворчества, отливали в различные страны света с звуковой речью соответственного стадийного строя. Поэтому языки более архаичных систем находятся на периферии мировой экспансии, если не считать реликтовых единиц, пережитков, как из яфетических языков баскский в Пиренеях, вершикский на Памире и несколько десятков языков в кавказских горах. Увязка же языковедения с историей материальной культуры, хозяйства, форм общественного строя и мировоззрений, вообще надстроечных культурных ценностей, дала опору для классификации языков, собственно различных их систем по периодам, последний из которых четвертичный, предыдущий третичный, куда относятся и яфетические с большим диапазоном формальных расхождений между собой, и т. д. и т. д.

Однако, я не собираюсь читать курса нового учения, элементарного курса яфетической теории. Кто же интересуется, он напечатан в Баку. Хотел лишь ознакомить со взглядом на экспансию, распространение культуры звуковой речи

¹ Яфетическая теория, изд. Азербайджанского гос. университета, Баку, 1928, стр. 116—117 [ИР, т. II, стр. 96—99].

по всему миру, и, естественно, на нарождение несметного количества изменений, зависящих как от разности условий в различных странах, так и от дальнейшего во времени эволюционного развития каждого в основе уже сложившегося языкового типа.

Дело, однако, абсолютно не в этих позднейших изменениях, хотя бы с учетом всех модальностей для каждой новой, эволюционно наступавшей эпохи в развитии уже сложившегося языка или сложившейся системы языков. Дело в источнике коренных перемен мутационного порядка, в источнике смены типов и систем в языках: этот источник — не внешние массовые переселения, а глубоко идущие революционные сдвиги в процессе диалектического отбора, революционные сдвиги, которые вытекали из качественно новых источников материальной жизни, качественно новой техники и качественно нового социального строя. В результате получалось новое мышление, а с ним новая идеология в построении речи и, естественно, новая ее техника. Отсюда различные системы языков. Чтобы увидеть коренную разницу между языками одной системы при, напр., логическом мышлении, позднее наступившем, и дологическом мышлении, более древнем в отношении значений слов, достаточно отметить, что в эпохи дологического мышления родственные значения, происходящие одни от других, напоминают оборотней в сказках. Слово, означающее 'дуб', получает значение 'хлеба', 'собака' — значение 'лошади', 'орла', собственно, 'птицы', 'неба', и т. д., и т. д. И трудность восприятия нового учения об языке — в необходимости быть свободным от привычного нам мышления. И как не приходиться в ужас от открывшихся перспектив в связях слов, когда наибольшее отличие двух предметов мы характеризуем словами «как небо от земли», а первобытный человек 'небо', 'землю' да 'подземный мир' называл одним звуковым словом; мы говорим: «се лев, а не собака», а первобытное мышление внушило льва, как и волка, назвать 'собакой'; мы лишь в метафорических выражениях читаем 'солнце правды', так в христианской литературе в приложении к Христу, а первобытный человек другого слова не имел для выражения истины, правды, как 'солнце'; солнце же было божеством, как и небо, по названию которого называлось и солнце, как его часть. Мы говорим с различием особо 'время' и особо 'место', а при первобытном мышлении не различались эти два понятия, более того, конкретно они выражались одним словом, означавшим 'небо': 'небо' понималось и как 'пространство', и как 'время' и т. д., и т. д. В этом отношении история человечества в своих действительно новых достижениях есть история революций. Эти революции не только разрывали цепь последовательного развития и культуры и звуковой речи, но и разбрасывали членов одной общественности на той или иной стадии развития так, что их приходится собирать со всего мира, мало интересуясь тем, что старое учение об языке по сей день думает держать их во взаимной изоляции по различным семьям, точнее — по различным видимостям таких расовых семей. Факт, уже не подлежащий никакому сомнению, что баски в Пиренеях, абаски, или абхазы, здесь, в черноморском Закавказьи, вершики на Памире и берберы в Африке увязаны друг с другом, как давно выяснилось, а как после последней поездки к баскам и также к берберам уточнилось, увязаны больше, чем то можно было бы

думать в порядке общего отнесения их всех схематически в круг яфетических языков. И с этим упорные приверженцы старого учения об языке, пожалуй, помирились бы, но тревогу создает в мире ученых, да и не ученых того же общественного мышления, когда им говорят с фактами в руках, что нельзя без баскского и с ним увязанных яфетических языков Кавказа изучать происхождение и сложение французского языка, нельзя без берберского и с ним роднящихся яфетических языков Кавказа пройти в глубину начал латинской речи, нельзя без абхазо-черкесских материалов, в увязке с баскским и берберским, разъяснить греческий язык, нельзя без яфетических языков Кавказа подойти к правильной постановке изучения вообще генетических вопросов речи, нельзя понять ни русского, вообще славянских, ни германских языков, ни более того турецких, ни китайского, поскольку мы интересуемся образованием их систем и происхождением отдельных языков. При другой аудитории я мог бы остановиться на французско-грузинских языковых взаимоотношениях, в настоящей обстановке решаюсь коснуться, только коснуться абхазо-русских лингвистических связей.

Когда я вынужден был обратить внимание на связь абхазского языка с севером, то дело сводилось к одной 'лошади', которую сведущие люди успели было отобрать от русских, как вклад турок. Потому-то в силу более, предполагалось, интимной связи, зоологически родственной, у вогулов, народа угрофинского, так называемого «этнического образования», с турками, было в порядке вещей, что слово то, в разновидности а-лаша, оказалось у столь дальнего северного народа, как вогулы. И, по удостоверении факта распространения названного термина по всему Кавказу, да непрерывной цепью, увязавшись рекой Ра (Rha), что значит тоже 'лошадь', т. е. по Волге, в направлении на север, и по чувашам да приволжским финским народам, мордовцам, мариям, удмуртам и коми, а на юг вплоть до глубин эпох клинописных памятников, где га налицо как 'лошадь' в идеограмме этого животного, мне приходилось, в целях не вспугнуть слушателей или читателей, выходить из затруднения шуткой. Делалась ставка на резвость коны: 'лошадь', мол, быстрого животного, она иногда отождествляется с 'птицей', и абхазский лаш (← *лаш), а-лаша могла пролететь легко и незаметно на север к гиперборейцам.

Но вот то же самое повторилось с русским «конем». Русского «коня» думали отождествить с «комонем» из «Слова о полку Игореве», прежде всего потому, что также неизвестный по происхождению «комонь» по созвучию увязывался с «конем», и формальное учение об языке и его современные последователи большего и не искали: что же касается не словарного, а хозяйственного происхождения этого благородного животного, то, предполагалось, его могла дать лишь Азия, из нее доставили, следовательно, турки.

Русские оказались, следовательно, ссажены с 'лошади' и с 'коня' и с 'комоня' и объявлены, надо думать, народом в 'лаптях', народом пешим, без конницы, без наезднической дружины. И так трактовалось дело в писаниях лингвистов, да притом лингвистов, более всего дороживших, казалось бы, русским национальным миром, правда, в стане славянского объединения, и потому готовы были сбросить

с русских весов все не общеславянское, представить его наведшим страх за средние века, 'вовсе не так страшным, очень, оказывается, нам милым и сродным, когда их познаем, монголам и туркам, лишь бы не быть вышибленным из господского европейского содружества. И вот вдруг такой афронт: и «лошадь», и «конь», и «комонь» — чисто русские слова, и в то же время предъявляют на них свои притязания народы Кавказа, яфетические народы Кавказа с языками третичного периода, в числе которых абхазский — древнейшей системы, и именно абхазский без своих притязаний не оставляет и «лаптей», русского термина «лапти», как мы сейчас думаем подробно разъяснить. Что же случилось, что мы договариваемся до таких, казалось бы, маловразумительных ужасов?

А случилось то, что намечавшаяся было еще в бурно налетавших образах и туманных, года три, четыре тому назад, линиях палеонтология речи уточнилась и окрепла.

До материалистически выработанного идеологического метода, до послужившей к его установлению палеонтологии речи, нельзя было разобраться даже в кругу таких оказавшихся неразлучными значений, как 'глаз' и как понятия, связанные с 'глазом', с его функцией — 'видеть' и т. п. Теперь же мы не довольствуемся регистрацией, подобно лингвистам-сравнителям, выражающих эти понятия слов, легко сопоставляемых, поскольку легко оправдать их значения рационалистически и по нашему мышлению. Так, поскольку установлено, что во всех языках глагол 'видеть' происходит от имени 'глаз', основа абхазского а-бә-гә — бә, означая первично 'глаз', является, следовательно, усеченным видом бзыбского а-бл-а 'глаз'; этого, однако, мало: существует глагол, произведенный от этого полного вида слова а-блә-гә 'гореть', 'сжигать', не могущий, казалось, иметь ничего общего ни с глаголом 'видеть', ни с 'глазом', но палеонтология речи открыла, что связь есть, так как 'глаз' и 'солнце' первоначально обозначались одним и тем же словом, и по 'солнцу' были названы и 'огонь', и 'свет', и отсюда совершенно не случайно схождение слов, означающих 'видеть' и 'сжигать' или 'гореть'.

Одновременно крепко-накрепко установилось то положение, что глаголы — позднейшее явление: глаголы всегда произведены от имен, действие или состояние которых первично и выражают они; так, 'бросать' есть действие 'руки', и, следовательно, в основе абхазского глагола а-г-иц-га должно находиться имя, означающее 'руку', и так дело и обстоит. В а-г-иц-га префикс а-, другой префикс каузативности г- и суффикс -га облепили основу иц (← *ицә), что по нормам абхазской фонетики представляет стянутую разновидность ши, означающую 'руку', и это ши и находим мы пережившим в древнейшем клинописном языке — шумерском, где ши означает 'руку'. Впрочем, чтобы найти абхазскому слову родню в обоснование нашей тезы, нет надобности ездить в такие дальние, казалось бы, страны, как Месопотамия, и в такие далекие эпохи, как время начал шумерской письменной речи, четвертое тысячелетие дохристианской эры. Во-первых, в те времена общественность абхазская и шумерская, по многим историческим фактам социальных отношений, вовсе не была так разлучена состоянием, как в недавние исторические эпохи, исторические эпохи вожаков

современной нам общественности, европейцев, для которых все, что предшествовало римлянам и грекам, есть доистория. Достаточно сказать, что шумеры доисторические были в пределах страны, позднее известной как Армения.¹ Во-вторых, общественность была классовая, а не одномассовая, и так же легко перекидывалась из страну в страну, даже далекую, как ныне, лишь, конечно, по части техники общения в путях ее развития в соответственные эпохи, когда в лучшем случае на суше 'лошадь' или 'верблюд', на воде 'лодка' или 'судно', долго не парусное, являлись наиболее усовершенствованным средством передвижения, а устная речь не имела еще закрепления, не имела замены прежней магической силы силой видимых изображений общественной мысли. Не было не только печати, но долго и письменности. Абхазы без труда могут представить себе страну, где нет в народе письменности.

Абхазский же язык и в настоящем своем состоянии представляет строй речи, систему, более архаичную, чем язык шумерских клинописных надписей, имеющих сейчас изначальную дату почти шести тысяч лет. Такие переживания древнейших эпох находим и в соседящих с абхазским языках: так ши 'рука', от которого происходит абхазский глагол *à-g-ш-га* 'бросать', в грузинском сохранилось в полном виде *შიგ*, служащем основой глагола 'делать', 'трудиться' — *შიგ-ებ-ა*, *შიგ-ო-თა*, ибо оба эти глагола производятся также от 'руки', первого орудия производства и первого орудия всякого действия.

Но абхазский язык не примитив, для выражения 'руки' у него ряд других слов, с использованием других элементов, как мы увидим, а по связи с вопросом о 'лаптях' нас бы должно интересовать сейчас более происхождение 'ноги'. Однако, поразительная вещь, что 'нога' и 'рука', оказалось, первично обозначались одним и тем же словом. Это не в плане сегодняшнего чтения, иначе мог бы я попутно демонстрировать, что даже русские слова «но-га», «ру-ка» — разновидности одного и того же слова.

В грузинском один слой его состава выявляет, что *gaп* (*|| gaп*) означало одновременно и 'руку' и 'ногу', впоследствии 'ноги' стали отличать прибавлением *d*, пережитка слова *da* 'низ' — *dgaп* 'нога', букв. 'нижняя рука', отсюда сейчас *gaп* 'сторона' (от 'руки') и народн. *dgaп-а* 'стоит' (от 'ноги').

На этом основании возникает вопрос о том, случайно ли в абхазском созвучие *a-ga-gà* 'брат' и *à-gəla-gà* 'стоять'? 'Брат' происходит от 'руки', и основа глагола *a-ga-gà*, именно *ga*, представляет усеченный вид *gal*, означавшего, как сейчас увидим, 'руку', но он же означал и 'ногу', и потому в глаголе *à-gəla-ga* 'стоять', палеонтологически производимом от 'ноги', естественно бы основу *gəla* воспринять как разновидность *gal*. Однако у нас возникает подозрение в том, что основа *gəla* составная, как *dgaп* в грузинском, палеонтологически истолкованная в смысле 'ноги', букв. 'нижней руки', т. е. в абхазском эквиваленте было бы в таком случае составное из *gə* и *la* слово 'нога', букв. означающее 'нижняя

¹ Вопрос о шумерах в Армении и эпох халдской клинописи (с IX в. до х. э.) и позднее снова был трактован в дискуссии по работе И. И. Мещанинова «Халд-«ведение» (Баку, 1927) и нашем слове, как оппонента, предназначенном ныне к напечатанию во втором выпуске ТРКФ [напечатано в ЯС, т. VII, стр. 190—211].

(gə, ср. св. gīm 'земля', м., ч. ge- 'низ', 'вниз') 'рука' (la, хорошо документированная и в этом смысле в абхазском разновидность основы па, что в а-па-рə 'рука').

Что касается gal 'рука', архетипа основы абхазского глагола ga (a-ga-gà) 'брат', он имеет глухого двойника kal в армянском со значением 'держат', тоже от 'руки', но первичное аффрикатное произношение, подлинно яфетическое — ġal, от ġal 'рука' у мегрелов — глаголы ġal- 'иметь' (ġal-a 'имение', 'состояние', 'богатство') и ġal-a 'брат', 'носить', а от его шипящей разновидности с губной огласовкой ġur получены глагольные образования также со значением 'иметь': в мегрельском же m-ġu 'у меня есть' (архетипом ġu неосторожно, следовательно, выставлять только ġur), и в берберском ġur-1 'у меня есть', причем ġur в берберском воспринимается в смысле русского предлога 'у', следовательно, 'рука', с функциональным значением наречия и предлога 'близ', 'около', 'у'. В грузинском то же ġal представлено безукоризненной разновидностью свистящей группы — ċal, что, как известно, также означало 'руку', отсюда ċal 'сила' и ċleva 'давать'. Но то же слово ġal, с утратой аффрикатности gal → qal означало 'ногу', как увидим в названии одного вида обуви — на каком языке? Для нас все равно, на каком сейчас его застаем, когда факт непререкаемый, что термин существовал еще в третичный период в языках яфетического круга, да и раньше.

Не надо лишь соблазняться в порядке идеологической связи созвучием армянского глагола gal 'приходить', основа которого ga восходит, действительно, к архетипу gal (элемент А) и независимо от того, что в армянских говорах, так ныне в ширакском, gal используется как чистая основа — gal-um-a 'приходит'. Нельзя соблазняться в том смысле, что 'приходить' в данном случае есть развитие глагола 'приближаться', а 'близ' это 'бок', 'сторона', таким образом 'рука'. Однако первично 'рука' и 'нога' обозначались одним словом.

Но почему общность названия у 'рук' с 'ногами'? Потому, что 'руки' естественно-исторически результат позднейшей эволюции передних 'ног'? Ничего подобного. Или по сходству физической функции 'рук' и 'ног', напр., как орудий обороны или иной работы? Также нет.

Впоследствии, действительно, от 'ноги' немало производных значений, от 'руки' же производятся сотни значений, в обоих случаях и по связи физической функции этих членов тела. Первично, однако, 'ноги', как и 'руки', также оценивались по функции, но функции магического действия, которое производилось ими в пляске, пении и игре.

На такой новой ступени развития общего учения об языке даже о «лаптях» нельзя ничего высказать, если подойдем к вопросу формально и без учета идеологической стороны, без учета в связи с нею и палеонтологии речи, и в семантике (т. е. значимости слов), и в морфологии (т. е. в их формовке).

Как нельзя быть грамотным, уметь читать и писать, если вы не знаете букв, нельзя научно понимать язык, изучать его или учить ему других, если вы не обладаете знанием палеонтологии речи и той верной перспективой, которую она привносит с собой. Палеонтология речи связана с материальной реальностью творческих факторов языка, она в связи с этим знакомит с идеологическим

построением звуковой речи и вскрывает ее увязанность с классовым производством, с историей материальной культуры, хозяйства, слагавшихся на его основе общественных форм и определяющихся ими мировоззрений. Между тем, с исторического поля зрения человечества бесследно исчезли целые народы. Где же и знать ему, человечеству, из своей истории о каких-то классовых группировках доисторических эпох, когда и в XX столетии наука испытывает тяжкие родовые муки при необходимости повернуться в сторону такого восприятия общественных явлений, в частности и языка?

Потому-то так трудно учесть исторически жизнь, напр., абхазского термина а-мѣ 'сила'. Слово 'сила', по-абхазски а-мѣ, в настоящее время изолирует абхазов от всех окружающих его народов, равно народов, с которыми абхазы за исторические эпохи, если даже не упоминать о доистории, входили в тесное общение. Между тем, в этом слове абхазы имеют увязку с одной стороны с грузинами, с другой—с русскими и далее заодно с русскими и с германцами, да и помимо всяких европейских народов с Океаниею, с языками тихоокеанскими.

В самом деле это абхазское слово без члена -мѣ, собственно тѣѣ, как мы находим его в выражении тѣѣ-là 'силой', 'насиленно', а тѣѣ — лишь редуцированная, т. е. ослабленная форма слова тѣѣ, а это уже нас направляет в сторону русск. «мощь», «мочь», «могу», вообще к славянским, да и германским языкам.

Значит, в абх. а-мѣ 'сила', 'мощь' вклад русского? Ничего подобного. Прежде всего, глагол 'мочь', как и отвлеченное имя 'сила', 'мощь', происходит от конкретного понятия 'рука', а соответственное слово со значением 'рука' существует в грузинском, это таг, ему же надлежит звучать по законам сравнительной фонетики по-мегрельски да по-чански тог, диалектически *тоѣ, и абх. тѣѣ, с членом а-мѣ, как и русск. «мощь», «мочь», восходит к этому слову *тоѣ. Следовательно, русское слово восходит к мегрельскому и чанскому? Также ничего подобного. Ведь к той же группе, к которой относятся языки мегрельский и чанский, относится и скифский язык, и русские могли его усвоить от скифов, вернее — от одной из социальных группировок скифского народа. Знатоки грузинского и мегрельского мне возразят, что такого слова, как таг в грузинском и тог в чанском, не говоря о восстанавливаемом диалектическом *тоѣ, нет в известных грузинском и мегрельском, resp. чанском, языках. В слове, быть может, скрещение ВС — т-ѣ, «мо-щадь», тогда от элемента В (тѣг || тог) налицо усеченный вид та || то, но палеонтолог речи знает, что таг в грузинском многократно существует, ибо налицо в таких словах, как таг-дѣна 'правый', букв. 'рука (таг) правая', таг-дѣна 'левый', букв. 'рука (таг) левая'. Грузинскому таг-дѣн-а закономерно соответствовать должно и мегр. и чанск. *тог-дѣн-а, откуда м. тог-дѣн, сохраненное мегрельским в значении 'удачи', 'победы'. Более того, в грузинском по палеонтологии речи 'помощь', 'помогать' происходит от слова 'рука', и глагол 'он ему помог' то-е-д-таг-а основой д-таг, означавшей некогда 'руку', представляет скрещение двух элементов А (д-) и В (наш таг), и таг опять-таки значит 'рука', и это известно из абхазского, но в абхазском таг, по норме абхазской фонетики — тѣ, сохранилось самостоятельно в значении 'ручки', это ѣ-тѣ. Абхазский язык сохранил и первый элемент грузинского

q+тага, т. е. q, с губной огласовкой qo, что по-абхазски закономерно дает фа, некогда означавшее 'руку', почему от него также происходит глагол 'помогать' — абх. à-фа-га. Из того факта, что части груз. qmag, т. е. q и mag, равно mag- из состава mag-ḡvena, mag-ḡqena 'рука правая', 'рука левая' если не в абхазском, то в праабхазском еще самостоятельно означали некогда 'руку' (отсюда абх. à-mā 'ручка', абх. а-фа-га 'помогать'), ясно, насколько абхазский древнее грузинского в данном случае, имея соперника лишь в языках Океании, где mag значит 'рука' по сей день.¹

Я усекаю ряд поразительно ярких случаев увязки с этим же словом и в скрещенном виде, но уже в названиях орудий, сменивших 'руку', следовательно, на дальнейшей стадии развития речи — у грузин и греков, собственно у прагреков, равно у прарусских и т. д. Ясное дело, что не по отсутствию данных совершенно замалчиваю языки миров угрофинского с турецким и латинского, имеющих свои особые связи подлинно доисторических эпох, да и греческий, раздваивающийся примыканием в использовании терминов, означающих 'руку', resp. 'орудие производства' и 'силу', в отношении элемента В, то в сторону разновидности с m (μά-χαρ-α 'меч'), то в сторону разновидности с b \ v (βία 'сила') при смыкании круга с языками спирантной ветви в названии 'рука' (χείρ). Дело в том, что в латинском и урало-алтайском мире (угрофинно-турецком) элемент В, в значении дериватов 'руки' — 'силы', 'битья' и др., а первично, следовательно, и самой 'руки', появляется с губным v из окающей разновидности по формуле — vir (~vir) → vi (~vi). Но эта сторона дела требует специальной разработки. Это назревшая задача, час которой давно уже пробил, намечая необходимость коллективного исследовательского к ней подхода.

Пора вернуться к «лаптям», русским «лаптям», на которые предъявляет свои притязания абхазский язык; это значит, что еще на стадии развития культуры с лапотной обувью абхазы и русские (точнее — один слой абхазского и один слой русского этнических образований) были членами одной хозяйственной общности.

И по этому предмету, чтобы подойти к вопросу для правильной его постановки и соответственного его решения, необходимо усвоить палеонтологически установленное положение о связи обуви с ногой в эпохи первобытного мышления, мышления дологического, как именует это мышление Французский этнолог Леви-Брюль (Lévy-Bruhl), или мифологического, как мы имеем основание предпочтительно называть, имея в виду связь этого мышления с мифологическим творчеством первобытного человечества.²

С эпохи установления логического мышления термин для обозначения 'обуви', будь она 'лапти', 'сапог' или вообще 'обувь', мог слагаться различно, смотря по

¹ Н. Я. Марр. Происхождение американского человека и яфетическое языкознание, ВС, т. I, стр. 184 [см. здесь, стр. 94].

² Кого смущает самый факт существования дологического мышления, как то устанавливает Леви-Брюль, а ве термин, может рассеять свои сомнения чтением книги спиритуалиста Оливье Леруа (Olivier Leroy) «La raison primitive. Essai de réfutation de la théorie du prélogisme» (Paris, 1927) в противность ее заданию целиком опровергнуть Леви-Брюля (см. рецензию в «Revue anthropologique», 1928, стр. 210—212).

точке зрения, с какой подходили к ней в различные эпохи, так в позднейшие эпохи и с точки зрения чисто хозяйственных бытовых потребностей. Такие названия позднейшего происхождения можно найти не только в языках новых систем, напр., в так называемых индоевропейских, но и в некоторых языках яфетической системы, в частности в грузинском, наиболее приблизившемся к языкам четвертичного периода, куда относятся две системы, называемые по расовой классификации старого учения «семьями»: «семьею семитической» и «семьею индоевропейской». В этом именно языке яфетической системы, грузинском, говорившие на котором творили слова уже и по наступлении логического мышления, имеются два слова для обуви, составленные как термины хозяйственного порядка без всякого отношения к мифологии или к культу, а технически описательно и, следовательно, без использования положения о функциональном развитии значений; так, по-грузински 'лапти' звучат qal-aman, герср. qal-aban, а обувь вообще — feq-sa-šmel. Построены они описательно и значат qal-aman 'сосуд (aman) для ног (qal)', а feq-sa-šmel 'то, что надевается (sa-š'u¹ mel) на ноги (feq, древнелит. fer-q)'. Последние слова во всех отношениях грузинские, feq, древнелит. ferq, значит 'нога', š'u¹ma 'надевать', основа формы sa-š'u¹-mel; что касается qal-aman, то составные его части мы уже знаем: qal (← gal) 'нога' и aman 'сосуд' считаются обычными армянскими словами; aman 'сосуд' в армянском так и употребляется по сей день с тем же значением, но простая его форма была man, как это видно из армянского термина žaž-man 'рукавицы' от žaž 'рука' (|| груз. tot 'рука', 'ветвь') и man 'сосуд', причем грузины, не ощущая присутствия слова 'рука' в žaž, прибавили еще ныне свое слово qel 'рука' и говорят qel-žaz-man в значении 'перчатки'; что же касается слова qal, мы уже его знаем, это 'нога', одновременно и 'шаг', откуда в армянском qayl (← qal-i) 'шаг' и qayl-el (|| qel-el) 'шагать', 'ходить' является пережитком первой части того же составного грузинского термина qal-aman, где qal означает прямо-таки 'ногу'.

Да и термин «лапоть», «лапти» унаследован русским, казалось бы, от общественности того стадияльного развития речи, в которой рука и нога носили еще одно название, почему и у русских и у абхазов то же слово означало 'руку', как сейчас увидим из палеонтологического анализа русского термина.¹

Термины же и этого круга эпох дологического творчества, которыми изобилует абхазский язык, созидались по положению о функциональном развитии семантики, т. е. слово переходит с одного предмета на другой с переходом на этот второй предмет функции первого. Уже установлено, как название 'собаки' перешло на 'лошадь', заменившую пса в функции животного передвижения. 'Сапоги' в этом смысле могли унаследовать название 'лаптей', но чью функцию могли взять на себя 'лапти' или вообще первичная 'обувь'?

Ориентируясь на абхазские соответственные термины, с элементом В в составе, не случайно общим в виде рə (✓ ро), возьмем слова, означающие 'руку' — а-па+рə и 'ногу' — а-ца+рə.

¹ См. ниже, стр. 69—70.

Элемент В мы имеем в абх. а-шā+g 'сапог' с его двойниками, армянским шоу-g (нар. шу-g) и грузинским то-gи, в архетипе *тог-gи → *тог-g, что в разновидности бог-k, с огласовкой шипящей группы, на родной почве в таком языке шипящей группы, как мегрельский, означает только 'ногу'.

Абхазская акающая разновидность того же элемента тā сохранилась в значении не одной 'руки', как то мы уже разъясняли в связи с абх. ā-шā 'ручка', ибо, помимо всего другого, эта основа тā налична, как первично означавшая 'ногу', в составе абх. āу-шā-фа 'чуваки' от ед. числа ау-шā, причем ни тот, ни другой термин, т. е. ни ā-ша+g 'сапог' с его армянским двойником шоу+g (нар. шу+g), груз. тоги (нар. тоgv), ни а-шā не содержат в себе ничего, кроме бытования в среде определенной людской группировки, чтобы один означал 'сапог', а другой — 'чуваки', или 'лапти'. Грузинская разновидность двухэлементного ау-шā, именно āа-шl, древнелит. āа-шl, означает и 'обувь' и 'сандалии', и 'сапог', не говоря об использовании ее и как названия специальной обуви охотничьих птиц, сокола и ястреба. Однако на позднейшей ступени развития, с возникновением составных терминов и с ними функциональных слов, в конечной части ги (→ g, геср. g) не мог не быть усмотрен суффикс принадлежности, первично слово 'дитя', 'сын', спирализованная разновидность sku (ср. м. sku-a¹¹ 'дитя'), и в целом, следовательно, абх. ā-ша+g, арм. шоу+g и груз. то+ги на той стадии развития звуковой речи воспринимались как составные слова исключительно в смысле 'обуви', 'сапога', собственно 'ножной предмет', букв. 'дитя ноги'.

С формальной точки зрения любопытно использование скрещенного образования для обозначения обуви более древнего типа, ау-шā, причем первая часть, элемент А, спирализованного вида из аг, в архетипе haг, имеет увязку с европейскими разновидностями трехэлементного скрещения, собственно двухэлементного sa+bot с функциональным словом te, усечением теп 'дитя', так же, как русск. «лапоть», в архетипе *la-po-te, где первая часть la, элемент D, означая первично и 'руку' и 'ногу' (в данном термине, разумеется, 'ногу'), чередуется с элементом sa в sa-bo-t, «са-по-г» (ср. арм. шоу-g и груз. то-gи и т. д.). На Западе слово появляется в значении 'сапога' двухэлементно, как сложение 'ноги' (bo) с суффиксом или функциональным словом te (фр. «botte») без предпосылки слову еще какого-либо третьего элемента. Но откуда это la, как в «лапоть», «лапти», в архетипе *la-po-te, или sa, как фр. «sa-bo-t», в архетипе *sa-bo-te, бск. sa-pa-ta || sa-pa-to («zapata», «zapato») или в русск. sa-po-g, в архетипе *sa-po-gи? Эти предпосылаемые двухэлементным терминам sa- и la- по положению о функциональной семантике означали одинаково 'ногу'. Из них 1) слово sa, пережиток sal, в то же время, как известно, означало и 'руку' и отсюда бск. sal-du 'покупать', первично, 'брат', в грузинском в подъеме āal 'сила', первично 'рука'. Теперь известно и то, что основа турецкого глагола 'брат' al-tak не что иное, как спирализованная разновидность бск. sal; 2) слово la, разновидность па, также означало и 'руку', почему понятно его присутствие в скрещенном абхазском слове а-па-рē, причем это скрещение па+рē, ослабление па+ро, в значении уже 'ноги', и в целом лишь разновидность еще первого двухэлементного слова la+ро в составе трехэлементного русск. «лапоть», в архетипе *la+po-te; без третьего

элемента -te, элемента C, следовательно, в полном виде ten, la-po мы имеем, как его разновидность, у абхазов а-па+рѐ, ныне означающем лишь 'руку', и в русском слове «лапа», еще приложимом и к 'ноге', хотя бы животных.

В Ленинграде, в ГАИМК, накануне моего выезда сюда, был мною заслушан превосходно проработанный доклад аспиранта А. А. Иессена о глиняном сапоге первого тысячелетия до н. э., найденном в раскопках членом Академии А. А. Миллером в Кызыл-ванке. Сапог представляет культовый сосуд из погребения. Докладчик установил, что сапог этот имел именно культовое значение, и в этой функции сапог заменил 'ногу', которая появляется в более древние эпохи в той же роли сосуда, в какой с 1000 г. до н. э. наблюдается сапог. Культовое значение 'сапога', первично 'ноги', докладчиком было связано с представлением о связи 'ноги' со 'смертью' и с ее культом, как хтоническим божеством, а также с тем, что 'смерть' представляли люди с первобытным мышлением как уход или странствование в другой мир. Это все было прослежено по всей Евразии, и особенно ярко установлены на основании фольклора как связь 'ноги' с 'рукой', так культ и значение 'ног' наравне со значением и культом 'рук', и молодой докладчик объяснение явления хотел найти в роли 'ноги' как орудия производства в первобытном хозяйстве.

Мы не спорим для соответственных эпох, когда ноги рассматривались лишь анатомически, как член тела, а сапоги как часть общераспространенного костюма.

Это, увы, мировоззрение позднейших эпох, каким бы числом тысячелетий ни иметь основания измерять их давность. В это же время пляска, выявляющая с этих эпох очевидную связь с ногами, могла быть рассмотрена также логически как 'действие ног', хореографические их движения, и соответственно 'плясать' произведено по технике от 'ног'. Как будто с этим и спорить нельзя, когда 'пляска' по-грузински *ferqul*, очевидно, от *ferq* 'нога' (древнелит. *ferq*), а его соответствие по шипящей группе, мегрельскому и чанскому языку, **φαḡḡ*, первично **paḡ-ḡ*, отложившись в армянском, сохранилось в виде *paḡ-q* в значении 'пляски', 'хоровода'.

Однако, лишь учтя два факта, именно функциональное развитие значений путем перехода слова с одного предмета на другой, замену первого, и культовое значение ног, как приобщающих к хтоническому богу, название 'сапог' в те архаичные эпохи мы должны бы и можем разъяснить тем словом, каким раньше называли ногу. В призма этих положений мы и можем подойти к словотворчеству языка более древней системы, чем грузинский. Отдавая, однако, для эпохи дологического мышления предпочтение дологическому источнику генезиса, палеонтология речи вскрыла, что объяснение 'пляски' в зависимости от видимого источника, 'ноги', не выдерживает никакой критики, прежде всего потому, что, как оказалось, 'пляска', 'пение', 'игра' (музыка) выражались на более древней стадии развития одним и тем же словом, и никак этого не могло бы быть, если бы термин 'пляска' возникал в зависимости от 'ног', ибо как же в таком случае быть с 'пением' или 'музыкальной игрой'? Дело в том, что 'пляска', еще не дифференцированная с 'пением' и 'музыкальной игрой', являлась частью культо-

вого или магического действия, обращенного к тому или иному предмету культа, при космическом мировоззрении — к светилу, 'солнцу' или 'луне', 'светилу ночи', впоследствии хтоническому божеству, и 'нога', как впоследствии неизбежно разделявший ее функцию 'сапог', воспринимались первая не как член тела — анатомически, второй, уже обувь, не как часть костюма, а оба — как соучастники культовой пляски, пения и игры в честь 'луны', вызывающие своими движениями ее магическое действие и приобщающиеся к ее природе. Потому не одни 'пляска', 'пение', 'игра', одинаково как и 'колдовство', да впоследствии 'эпос', 'поэзия' носят названия светил — 'солнца' или 'луны'. Потому у грузин в древнелитературном языке также совпадают культовый термин *шо+ги* 'маг', связанный с названием светила, и, казалось бы, простое бытовое слово *шо+ги* 'сапог'. Это отнюдь не результат случайного созвучия.

Любопытно, что первый элемент скрещенного образования *раг-q*, кстати, в армянском древнелитературном воспринятого как форма множественного числа на *-q*, именно *раг*, в грузинском сохранился без второго элемента, но не одиноко, а в скрещении или сложении со словом *шиш* в виде *шиш-раг* 'пляска', причем слово *шиш* в свою очередь, тяготея к культовой основе (*шиш*) названия известного эламского божества *шиш+ип-ак*, если она даже название страны, само отождествляется со светилами, специально — с 'луной'.

Да и самые слова *фер||раг*, наличные в скрещенных образованиях *ферq||рагq* ($\leftarrow *раqđ$), означали 'светила', некогда и 'солнце' и 'луну'. *Var*, resp. *раг*, 'солнце' — бог этиуниев, оно же налицо в названии божества *Bag-bar-tu*, букв. 'божества (*bag*) солнышка' (*bartu*) или 'солнечихи', засвидетельствованное в этом названии жены бога Халда ванских царей, и сам бог их могущественных противоборцев, этиуниев, *раг* или *bag*, пережиток той же отдаленной эпохи, причем не мешает отметить, что государство этиуниев владело и той областью, где ныне расположен Кызыл-ванк, место находки культового сосуда в форме сапога.

Абх. *à-mga* 'солнце' и *à-mza* 'луна' основами *mga || mza* являются лишь дифференцированными разновидностями того же слова *bag\tag*, с перемещением огласовки.

Мегрельский сохранил тот же *tag*, но уже с дериватным значением 'луны', в термине *tag-a* 'неделя'. Разновидность того же *tag* в виде *vag* сохранена в скрещенном термине *до+ваг-е*, наличном в грузинском в значении 'луны' и т. д., и т. д.

Глиняный сосуд в форме сапога.
Кызыл-ванк.

То же самое прослеживается с экающей разновидностью, $\text{fer} \leftarrow \text{ber} (\leftarrow \text{per}) \searrow \text{mer}$, да с ее двойником $\text{res} \rightarrow \text{bes} \rightarrow \text{fes} \searrow \text{mes}$, причем из дериватных от 'солнца' значений любопытно отметить груз. fer 'краска', 'цвет' и ber в составе скрещенной основы ber-kur армянского глагола ber-kəṛ-an-al 'веселиться', 'радоваться'. Дальнейшее значение грузинского fer 'образ' да его армянского эквивалента $\text{reus} (\leftarrow * \text{res-1})$ со многими дериватами требует особой специальной трактовки.

Ясное дело, что поскольку занимающие нас члены тела, при дологическом мышлении и в линии увязки с магическим действием носившие названия светил 'солнца' и 'луны', стали означать 'руку', 'ногу', постольку груз. $\text{fer-qul} (\leftarrow * \text{fer-qur} \leftarrow \text{ber-kur})^1$ и арм. paṛ-q , означавшие пляску, естественно было толковать в позднейшие эпохи, эпохи уже логического мышления, как слова, производные от 'ноги'. В связи с такой ассоциацией идей 'мертвый', как уходящий в иной мир, или 'погребаемый', как сопровождаемый в тот же мир, при соответственном мировоззрении неизбежно увязывался с 'ногой'. Но в подлинно первобытные эпохи, с дологическим, гесп. мифологическим, мышлением и 'мертвый', гесп. 'погребаемый', воспринимались не по технике движения, а по функции, увязанной с соответственными предметами культа, с 'луной', 'светилом ночи', и потому, напр., термин груз. sa-mar-e 'могила', собственно, означал 'пребывание луны' или 'обреченный луне', равным образом произведенный от скрещенного с ним образования mar-q , грузинский глагол mar+q-va 'хоронить' собственно означал 'напутствовать как луну' или в 'лунное царство', и он же, тот же глагол mar+q-va , мог означать и, действительно, означает и иное культовое действие, связанное с представлением о хтоническом божестве, так именно 'поститься'. В связи с этим подлежит коренному пересмотру вопрос о происхождении арм. $\text{paṛ} (\sim \text{pas}) \leftarrow \text{paṛ-h}$ 'пост', 'бдение', культовый термин, возводимый через позднейшие бытовые значения к мутному, пока он не разобран палеонтологически, иранскому источнику!² Все материально-реальное значение этого слова вклад позднейшей общественности и соответственного мировоззрения.

Однако светила, 'солнце' и 'луна', подобно 'руке' и 'ноге', первично выражались одним и тем же словом, и даже по уточнении звуковой речи мы располагаем лишь фонетическими разновидностями одного и того же слова, пока дело не переходит в языки еще более поздней системы, возникшей в результате более сложных скрещений, где те же понятия обозначались уже не одним элементом или его разновидностями, а различными элементами, и понятно, что мы вправе в языке такого архаического по типу строя, как абхазский, ожидать более наглядную увязку тех же терминов, чем даже в грузинском. И, действительно, если мы возьмем понятия 'мертвый', 'живой', гесп. 'душу', то в абхазском обозначение их, оказывается, достигается использованием разновидностей одного и того же слова,

¹ Усеченно ber-k 'ножка', 'подножие' в груз. kuaṛq̄l-berk 'подножие трона'. Ср. также ber-kur- основу арм. berkəṛ-an-al 'веселиться' со значением, восходящим к другому светилу — 'солнцу', что в свою очередь как предмет культа и является смыслом названия села Berki армянской области Арберани на востоке Ванского озера (Hubschmann, Die altarmenischen Ortsnamen, Страсбург, 1904, стр. 341).

² Hubschmann, Armenische Grammatik, I, стр. 217.

или даже это одно слово служит для выражения обоих противоположных значений. Так, $\varphi\varphi\grave{a}$ || *bza*, разновидности одного слова, элемента В, означают первая $\varphi\varphi\grave{a}$ 'мертвого', вторая *bza* — 'живого'. Более того, понятия 'мертвый' и 'душа', т. е. опять представление о 'живом', у абхазов выражаются различно лишь путем слабой фонетической дифференциации слова $\varphi\varphi\grave{a}$ ($\swarrow^* \varphi\varphi\grave{o} \longleftrightarrow \varphi\varphi\grave{u} \leftarrow \infty \varphi\varphi\grave{s} || \varphi\varphi\grave{a} || \varphi\varphi\grave{e}$, о последней разновидности с эканием см. выше, стр. 72), использованием двух видов свистящего *s* и *ʃ*: *a-φφδ* означает 'мертвого' и *a-φφδ* ['живого' →] 'душу', но это в одном наречии — бзыбском, в другом же, именно абжуйском, и 'мертвый' и 'душа' выражаются одним и тем же словом *a-φφδ*. Теперь, думаю, будет понятно, почему 'солнце' с 'луной', равно 'рука' с 'ногой', имеющие и в абхазском уже специальные уточненные обозначения, все-таки сохраняют увязку в каждой паре соответственных терминов: 'солнце' абх. *a-мга* и 'луна' абх. *ā-mza* (ср. *a-bza* 'живой'), 'рука' абх. *a-пa-рѣ* и 'нога' *a-ща-рѣ*.

Из архаичных терминов материальной культуры возьму один пример: *ауѣа* 'топор'. Это слово выделяет абхазский язык из всех языков мира, точно абхазы со своим языком свалились с неба, как то нередко говорили как бы в шутку в Европе про басков, язык которых не были в силах генетически понять, — это была, однако, не шутка, а попытка смеха сквозь слезы, горькие слезы импотенции, методологической немощи. Между тем палеонтология речи и здесь, т. е. в данном термине, вскрывает увязанность абхазского языка с соседящими и несоседящими ныне с ним языками, принадлежность абхазов на определенной ступени развития — одной общественности с армянами Кавказа и с басками Пиренеев, на другой ступени развития — иной общественности с ними же и германцами. Дело в том, что абхазское слово пережило две, даже три ступени стадийного развития прежде, чем стать тем, что оно представляет собой и идеологически, и формально.

Прежде всего, формально абхазское слово представляет скрещенный из двух элементов термин, элемента А (*ау-*), пережитка *аг-* (*аг-*), и элемента С (*-ѣа*), пережитка *-ѣап*.

Из палеонтологии речи известно, что 'топор' с известного периода — металлический, бронзовый или железный, раньше был каменным, а каменный топор, как вообще всякое орудие, заменил 'руку', и в связи с этим в силу положения о функциональном развитии значения слова, о переходе названия с одного предмета на другой по мере развития истории материальной культуры и замены 'руки' — 'топором', 'топора каменного' — 'железным топором', а в связи с орудием и материала — 'камня', заменившего 'руку', и 'железа', явившегося на смену 'камня', одно и то же слово было использовано, чтобы обозначать 'руку', затем 'топор', resp. 'камень', впоследствии 'железо'.

В то же самое время формально абх. *ау-ѣа* 'топор' — термин, скрещенный из двух элементов, двух слов, которые первоначально каждое в отдельности означали самостоятельно то, что в совокупности они вместе продолжали выражать, объединившись в процессе скрещения двух производственно-социальных группировок, говоривших еще первобытным языком без скрещения, или позднее двух классов, двух сословий или двух племенных образований, еще сохранявших

в своей речи пережиточно каждое из этих элементов-слов в самостоятельном употреблении.

Два элемента в составе абх. ауџа — это, как было разъяснено, элемент А — ау, пережиток аг, в архетипе haг, и элемент С — џа, пережиток џап.

Самостоятельно ни аг, ни џап, казалось бы, абхазский не сохранил ни в одном из когда-либо присущих ему значений, хотя бы первоначальных 'руки' и 'камня', не говоря о 'топоре', да еще 'железе'. Между тем аг в значении 'руки' имеется в абхазском в составных терминах, означающих 'рука правая' — аг-га и 'рука левая' — аг-ша. Это аг в значении 'руки' выявляет родство абхазского языка с армянским и баскским, т. е. тот факт, что на стадии позднейшего хозяйственного развития с переживанием еще мышления дозвуковой речи, когда кроме 'руки' человек не обладал еще никаким орудием, праабхазы, праармяне и прабаски (нет, неверно — прародители известного слоя, также производственно-социальной группировки абхазов, армян и басков) составляли одну общность, в которой аг или его закономерная фонетическая разновидность и была словом, служившим для выражения 'руки'. Однако кругом перечисленных языков вовсе не ограничивается употребление слова аг 'рука', так как, поскольку 'искусство', 'художество' представляет надстроечное, отвлеченное развитие 'рукоделья', 'ремесла', аг и всплывает в составе латинского термина аг-s, аг-ti-s, аг-te 'искусство'.

Более того, и по скрещении соответственных социальных групп образовавшееся ауџа, в архетипе *ar-kan → *ar-џап, означало все еще лишь 'руку', а затем до 'железа' да 'железного топора' — 'каменный топор', 'камень', и потому-то от arkan (← *arkan), означавшего 'руку', сохранились происходящие от 'руки' глаголы 'бить' и 'бросать' — сохранили их древние армяне в haг+kʰan¹-el 'бить' и аг+kʰan¹-el 'бросать'. В значении же 'камня' то же слово *arџап в его закономерных разновидностях сибилантного типа (џ ~ џ̣ ← џ̣) сохранили армяне в аг-џап 'камень', 'скала' и с усечением баски в ау-џ̣ 'камень', 'скала'. На следующей стадильной ступени развития и *arџап, resp. *ayzan¹ должен был получить, как его абхазский двойник ауџа, значение 'железного топора', 'железа', и это мы находим теперь у немцев не в одном ау+zen || ey+zen 'железо' (из *ersen).

Хотя бы один пример для иллюстрации того, как получены в абхазском слова для выражения и других надстроечных, отвлеченных понятий, так 'истины'. Палеонтологией речи установлено, что 'истина', 'правда' — это 'действительность', 'видное', 'светлое', 'зримое', и она носит космическое название: 'солнце', resp. 'день'. В связи с этим абх. а-џабərg 'истина', по устранении члена а — џа-bərg представляет трехэлементное слово из двух частей: первая часть џа-, позднейший придаток, разновидность слов, сейчас имеющих распространение от Грузии до германских стран, в значениях 'неба' → 'солнца' || 'дня', равно 'божества' при космическом мировоззрении; так, она у черкесов Əha (диал. Əhə) 'бог', в Грузии сохранилась в двух разновидностях, в спирализованной — а-вəрх', первично 'небо', и свистящей — џа 'небо'. Абхазская разновидность џа в џа-bərg означает также 'небо', и с ней следовательно, повторно, как вкла-

дом другой социальной среды, выражается 'небо' в следующем за ней составном слове, ибо эта вторая часть, двухэлементная, bəg-g означала 'солнце', буквально 'дитя (-g) неба (bəg-)'. Это культово 'бог', герой астральный, каким является Прометей; отсюда появление этого слова bəg-g в полном виде bəg-skil 'солнышко' (букв. дитя skil, чанск. skir-1, неба bəg-) в составе имени героя абхазских сказаний А-bəg+skil, двойника грузинского Амира́на, причем начальное а- в обоих случаях, т. е. и в Амиране и в Абырски́ле, есть, следовательно, не абхазский префикс-член, а спирантизованная разновидность слова ʔa → ʃa 'небо', сохранившаяся у грузин в значении 'верха'.

Без этого уточнения позднейшей придачей ʔa, bərg, само по себе означавшее 'солнышко', с первичным состоянием редуцированного гласного «о», именно bogg, означая 'бога', гесп. 'диавола', послужило для образования грузинского глагола bogga 'бесновался', 'был одержим богом'. То же bogg, с утратой плавного — bog, русское слово «бог», уже прослежено в целом ряде специальных изысканий в значении, где позднейших терминов 'идола', 'бога', где 'солнца', оно прослежено по всей Европе, от чувашей на Волге до лигуров на Западе. Легко понять, что основа bəg- этого слова, означающего 'истину' по отождествимости с 'действительностью', 'зримостью', 'светом', конкретно, следовательно, 'солнцем', есть разновидность тех основ bl- и bə-, которые в абхазском же означают, как было уже разъяснено нами, то 'глаз' (ибо то же было 'солнце') и от 'глаза' 'видеть', то 'сжигать', 'гореть'. Десятки слов со значением того же круга, наличные в абхазском, увязывают абхазский с самыми древними эпохами в росте звуковой речи человечества, с самыми отдаленными от Абхазии языками, не говоря о близких и соседних.

Выходит, следовательно, так, что путем палеонтологических раскопок в языке, особенно в языке такого порядка, как абхазский, без каких-либо непреодолимых помех устанавливается состав его словаря на различных ступенях развития. Есть стадия развития, на которой не было еще ни одного слова надстроечного порядка, не было отвлеченных понятий, ни 'истины', ни 'знания', ни слов 'душа', 'ум'. Само собой понятно, что есть стадия развития, на которой не было терминов родства, а когда они появились, долго не было термина 'отец', а впоследствии 'отец' и 'муж', более того, 'отец', 'муж' и даже 'брат' не различались. Они обозначались одним и тем же словом, ибо таков был строй социальной жизни. Есть стадия развития звуковой речи, когда не было еще названия диких зверей, а лишь одомашненных, или когда из одомашненных животных в словаре имелась только 'собака', но не было еще 'лошади', и в связи с этим 'лошадь', явившаяся на смену 'собаки' в роли животного передвижения, по функции получила название 'собаки', и слово же 'собака' было перенесено впоследствии на диких зверей: так термин 'лиса' оказался означаящим 'малая собака', а 'волк' — 'большая собака', как, впрочем, и 'лев'.

В хозяйстве не было хлебных растений, и их роль играли древесные плоды, в частности 'жолуди', впоследствии передавшие свое название хлебным злакам, взявшим на себя функцию этих дубовых плодов.

Все это в других языках выявляется лишь углубленной палеонтологической работой, даже в части яфетических языков, языков третичного периода, не говоря

о более поздних, как греческий и латинский, но в абхазском опять-таки все как на ладони; так, когда 'лису' по-абхазски называют *àbga q̇tè* и 'волка' — *àbga dəw*, то это вовсе не означает 'малый шакал' и 'большой шакал', а 'малая собака' и 'большая собака', ибо *bga* означало раньше 'собаку' и лишь впоследствии было перенесено на 'шакала'; равным образом и теперь, когда 'собаку' по-абхазски называют *a-là*, а 'лошадь' *à-laša*, *làša-k*, то основы их, *la* и *laš*, лишь разновидности одного и того же слова, притом в более полном состоянии предлежит разновидность *laš*, которая первоначально означала 'собаку'.

Однако, дело на этом не останавливается. Дуб, питавший человека 'жолудями', 'собака', равно сменявшие ее животные, 'лошадь', 'бык', а за ними и 'свинья' и т. п., были в свое время тотемами социальных группировок, их взращивавших или их вводящих в свое хозяйственное объединение, а тотемы это будущие 'боги', создававшиеся все еще ненаучным мышлением человечества.

'Бог', как отвлеченное понятие таинственной силы, да и вообще антропоморфизованное представление о божестве — позднее явление, ему предшествует предмет культа по космическому мировоззрению, 'небо', а затем светила — 'луна', 'солнце' и т. д., ему же предшествуют, разумеется, и тотемные 'животные'. И что особенно требует чуткого внимания, это то, что не только в разные эпохи, именно на разных стадиях развития, одно и то же слово, сигнализирующее предмет культа, имеет различные, для нашего логического мышления непримиримые значения, так 'дуб' (тотем) → 'собака' (тотем) → его смены из домашних или диких животных → 'орел' (тотем) → 'небо' → 'солнце' (бог) → 'бог' вообще, но на одной и той же стадии развития такое слово может иметь различные значения в зависимости от точки зрения, с какой данное слово интересовало. Так в составе названий городов, вообще населенных пунктов, такое культовое слово, всегда доходившее до значения 'неба', могло означать 'жилище', 'защиту', ибо термин 'небо' → 'покров' оказался в основе каждого слова, означающего 'жилище', 'дом'; оно могло означать 'круг', ибо и 'круг', 'арка', 'свод' во всех языках представляет использование слова 'небо'; оно могло означать божество-покровителя, опять-таки 'небо' или его предместников, животных и иных тотемов.

При таком углубленном вхождении в изучение абхазского языка и открывшихся конкретных возможностях (не в одних лишь перспективах) на его материалах иллюстрировать без особых усилий, как реальности, палеонтологически добытые труднейшие и сложнейшие положения нового учения об языке, пересмотру и новой трактовке подлежат важнейшие памятники абхазской среды, древнейшие тексты или абхазского языка, или языков, которые с ним рядом являлись орудием единой общественности на более древних стадиях развития человеческой речи и по общности переживаний находятся в состоянии так называемого родства с ним, независимо от того, где бы сейчас эти языки ни находились, по соседству на Кавказе или вдали на Волге, в Пиренеях, в Африке и т. д.

Что это за древнейшие тексты? Это топонимика, т. е. названия населенных пунктов, гор, рек, морей и т. п., и органически связанные с ними так называемые этнические термины, названия социальных группировок, позднее — племенных образований, родов и т. п. и предметов их культа.

Для примера возьму наименование столицы Абхазской республики. Название Сухум, первично $\dot{\Theta}qum$, оказывается, отнюдь не изолировано. Этот город — построение той так называемой доисторической общественности, той социальной группировки, которая понастроила по одному Черноморскому побережью свыше двенадцати городов с тем же в основе двухэлементным названием, что $\dot{\Theta}qum$, но в различных закономерных разновидностях произношения. Эти города известны по сей день, теперь как малозначащие местечки, или были хорошо известны, прославлены со времени появления греческих колоний, дальше которых историческая наука ничего сказать не может о них, даже археологические изыскания, доселе не направленные во всеоружии теоретической подготовки по памятникам той материальной культуры, с которой завесу снимает впервые новое учение об языке; лишь иногда этому новому учению можно опираться (это для позднейших эпох, но раньше появления греков, именно для IX—VIII вв. дохристианской эры) на клинописные тексты халдских владык Ванского района.

Эти города, тезки $\dot{\Theta}qum$ -m'a, — Ольвия, собственно *Hol-pe, Kol-p или Og-be, Qo-pe и др., все с утратой начального двухсогласия, пережитка диффузной фонемы, на Черноморском побережьи и внутри прилежащих районов, а на Западе — в Италии — с одной стороны Su-mae, с другой, с утратой начального согласного, как в термине Ольвия, столица Этрурии Al-ba (Alba Longa) и ее закономерный двойник urbe, ставший нарицательным именем со значением 'города', да так и унаследованный латинским языком в виде ur-bs, ur-be 'город' от творцов той так называемой доисторической материальной культуры, которым принадлежит, между прочим, и наименование нынешней столицы Абхазии $\dot{\Theta}qum$. Но город этот существовал и раньше, когда он назывался одноэлементным именем без скращения $\dot{\Theta}qo$ или ko, уже разновидностью также двухсогласного пережитка ($\dot{\Theta}q$) диффузной фонемы; последнее имя, т. е. ko, сохранено в этой простой форме с обычным разложением «о» в wa в национальном абхазском названии Сухума — A-ka.

Губная огласовка o $\longleftrightarrow$ u характеризует шипящую группу яфетических языков (это, значит, причерноморские мегрельский и лазский языки и на севере исчезнувший скифский язык), в свистящей же группе слово должно было бы звучать $\dot{\Theta}a$ / $\dot{\Theta}qa$ или по упрощении $\dot{\Theta}a$, $\dot{\Theta}a$ и т. п., что уже было нами прослежено в значении 'бога', раньше 'неба' → 'солнца' || 'дня' от Грузии до Черкесии и далее. Оно же сохранилось в первом слове названия Цебелды, по-абхазски $\dot{\Theta}a$ -bal, и в других топонимических терминах, несомненно в значении культового предмета, но только ли космического — 'неба' → 'солнца', вообще 'светил' и т. п.? Несомненно, слово означало и животное тотемное, равно растение, дерево, но какое? Это можно определить лишь путем согласования лингвистических выводов с данными археологических изысканий не в одной Абхазии, где они, впрочем, пока и не начаты с должной организованностью; согласование необходимо и с этнографическими и фольклорными материалами, также слабо изученными. В линии животноводства лингвист только может указать, что $\dot{\Theta}qa$, несомненно, означало 'собаку' (его разновидность у черкесов $\dot{\Theta}a$ 'собака') и 'козу' (к $\dot{\Theta}qa$ восходит

груз. ღჳა 'коза'). Я сейчас не буду останавливаться ни на культе собаки, ни на абхазской легенде о первоначальном малорослом населении Абхазии, карликах с козлиной бородой.

Если же ограничиться разновидностью того же элемента с губной огласовкой, значит ღჳო (следовало бы ღჳო ↔ ღჳი), или спирантизованно ко, откуда абх. А-ка 'Сухум', то ко — пережиток с утратой плавного г — *ког, и как наличное в основе абхазского названия Сухума ка есть архетип каб. қа, абх. ჴа, т. е. а-ჴа 'свинья', так полный ее вид ког есть архетип ḡog → qog, т. е. тех слов, означавших одинаково 'свинью', из которых ḡog сохранился у грузин, qog в разновидности qoug-os (ჯიფოს) у греков и в разновидности qoz у армян.

'Свинья' на Черноморском побережье, как культовое животное, одно время тотем, находит опору как в памятниках материальной культуры, монетах с ее изображением, так этнографически в роли кабаньей головы при встрече нового года, о чем специально в только что вышедшей работе моей «Из Пиренейской Гурии».¹

Однако с теми же ღჳო, qog и т. п., самостоятельно или в скрещенных образованиях, мы попадаем в иной культовый мир, растительное хозяйство от деревьев до завершающих его хлебных злаков и винограда, то 'проса' (груз. ღჳო 'немолоченного', арм. kog-eak), 'ячменя' (лат. hor-de-um, особая статья диал. fordeum), 'пшени' (абх. а-ḡə-ḡ) и 'пшеницы' (груз. qog-bal), то 'винограда' (груз. kur-ḡen) и 'виноградной лозы' (св. ḡ-waz).

Значительно позднее термин ḡog (→ qog) вошел в состав скрещенного чанского, раньше и мегрельского термина ḡog+mo-ḡ, означающего 'бог'.

До этого же ḡog→qog, животное ли тотемное или растение, дерево, было сменено 'небом', и о существовании данного слова с таким значением ('неба') свидетельствуют соответственные материалы из армянского, греческого, баскского и др.

Выходит так, что языки, сейчас принадлежащие к различным системам или различным так называемым семьям, на тотемной стадии развития того или иного слоя своего всегда скрещенного состава имели тождественное хозяйство, образовывали одну общественность и пользовались одним и тем же словом, как термином одновременно и хозяйственным и культовым.

Но как обстоит, однако, дело между названием города Сухума и названием самих абхазов? Оказывается, так нельзя формулировать вопроса. Почему? А потому, что народы, дошедшие до образования национальности, не могут иметь одного названия за все время своего существования. Каждая национальность — это результат скрещения ряда социальных группировок, образовывавших в ту или иную эпоху руководящий и организующий класс и приобщавших всю слагавшуюся нацию к своему тотему, своему так называемому племенному названию.

Некоторые из так называемых национальных названий никому неизвестны, кроме самих народов, так себя именующих, и не будь у них письменности, которой зафиксированы такие, казалось бы, экзотические племенные названия, эти названия исчезли бы бесследно. Армяне называют себя haу, но никто, кроме

¹ Изв. КИАИ, т. V, стр. 15 отд. отт. [см. здесь, стр. 14].

армян, этого не знает. Кроме грузин и причастных к грузинской общественности, не знает никто национального названия Грузии — qarǵ-vel. Также не одно так называемое национальное название было у абхазов. Я остановлюсь на том, про которое никто не сообщает, кроме автора жития Григория, христианского просветителя Армении. Абхазы в этом арабском памятнике VIII в. названы 'русами'. Казалось, это недоразумение. Вообще вся обширная литература по этому вопросу сплошное недоразумение, поскольку интерес направлен на его происхождение. Почему? А потому, что с одной стороны, предполагали неизменчивость содержания племенных названий, а, с другой, допускали возможность случайного переноса того или иного названия на определенньй народ. И то, и другое положение — плод отсутствия метода в лингвистике. Естественно потому, что в применении к русскому народу термин «рус» до сих пор не получил окончательного разъяснения своего происхождения. И пока в корне не переменится взгляд на генезис вообще племенных названий, в числе их и национальных, никогда вопрос не будет решен. Появление этого термина в России, точнее — на Руси, связывается с призывом или приходом с севера норманнов, и rus производят от названия одного села в северных скандинавских странах. Я не говорю о полной несостоятельности такого кустарного производства племенных названий. Было известно и теперь уточнено, что на Черноморском юге, да и на Кавказе, да и далее в Малой Азии, да и далее в Средиземноморьи были племена, первично социальные группировки, с тем же названием в ряде закономерных разновидностей, в числе их пеласги и этруски, без осложнений — ласы и руши, предшествовавшие возникновению греческого народа с эллинской речью и римского народа с латинской речью. И русы засвидетельствованы на Черноморском побережье также в таком районе древнего общественного строительства русских, как Тмутаракань. Соображая все эти обстоятельства, один молодой лингвист-индоевропеист, близко подошедший к яфетической теории, склонился на примирение обеих точек зрения, и северной, скандинавской, и южной, кавказской, признанием русов и там, и здесь, но различных русов, не имеющих ничего общего между собой. Такая постановка абсолютно невозможна, ибо этногония, т. е. возникновение племен, как и глоттогония, языкотворчество, есть процесс мировой, а не дело своей колокольни и кустарничества, да и идет речь не о целом массиве какого-либо национального образования (это фикция), а об отдельных социальных группировках, классах, сословиях, и такая русская руководящая группировка, такой слой в абхазском племенном образовании, давший автору арабского источника право называть абхазов русами, несомненно существовал, как видно из анализа абхазского языка, в котором один из четырех элементов звуковой речи, элемент D, элемент рошский, или русский, в абхазском словаре образует древнейший состав звуковых слов, состав первичного стадияльного развития, как-то в хозяйстве — плодовые и используемые в быту деревья и растения, одомашненные животные, в космическом кругу 'свет' ('солнце'), в микрокосмическом кругу, в названиях членов тела — 'рука', 'глаз' и т. д.

И что выявляет первичность именно этой части абхазского словаря, все из рошского, или русского, элемента, так это тот факт, что, напр., именно 'рука'

этого происхождения в абхазском использована как окончание для образования орудивного падежа на *-la*¹ и это же *la* 'рука' налицо в составе абх. *à-la+ba*, скрещенного названия 'палки', принявшей на себя ее функцию.

Но что значило *rus* в применении к племени или социальной группировке? То же, что всякое племенное название за тотемный период — 'животное' ли это, будь оно 'собака' или 'лошадь', или растение, дерево, с периода же космического мировоззрения — 'небо' → 'солнце' → 'свет'. И потому-то с разновидностями этого элемента, *la* с его двойником *ga*, у абхазов вращаемся в кругу соответственных понятий 'ореха' (*a-gà*), 'инжира' (*a-la+hà* || груз. древнелит. *le+gū*), 'ивы' (*a-la-ḡān*), 'папоротника' (*à-gas*), 'собаки' (*a-là*), 'лошади' (*à-laḡa*), 'скота' (*a-ga-ḡ*), 'света' (*a-laḡà-ga*), т. е. 'солнца', 'глаза' (*à-bla*) и т. п.

Точно так же национальное название абхазов *A-ḡḡ-wā*, собственно, основа *ḡḡ* с его двойником *ḡḡ* в глаголе *a-ḡḡ-gà* 'смотреть', восходит к слову 'глаз', первично 'солнце', равно 'небо' и т. д., и таково обоснование того же *ḡḡ* в названии 'птиц', ибо 'птицы' (*a-ḡḡāḡ* собир.) назывались по 'небу'; таково же обоснование появления того же *ḡḡ* в значении 'света', 'мира' в составе *a-ḡḡabàga* 'мир', 'свет', но у этого *ḡḡ* в абхазском же двойники — *ḡḡ*, *mḡ* и *mḡ*, означавшие 'солнце', следовательно, и 'день', равно 'глаз', потому-то у абхазов *a-ḡḡ-gà* смотреть от 'глаза-солнца', *a-mḡ* 'день', ибо оно же означало 'солнце', *à-mḡa* 'солнце' и т. д., и т. д., и этих терминов набирается без конца, когда привлекаем их родню из других языков.

Этими трудностями не ограничиваются в абхазском вскрывшиеся глубины мышления, оказавшиеся наглядно увязывающими с одной стороны современность с первобытным словотворчеством, с другой стороны — языки различных частей света друг с другом в их переживаниях от тех начальных и последующих доисторических эпох.

Если слова своими значениями, таким образом, на той исключительно древней стадии развития, на какой застаем абхазский язык, требуют чрезвычайно чуткого и научно-вышколенного, обостренного внимания, чтобы разобраться в них теоретику-исследователю, и тем более нужно быть так вооруженным, чтобы орудовать ими впад и высекать из них новые потребные возможности практику-творцу, поэт ли он или прозаик, писатель ли он или гитаратор, действующий живым словом, то эта чуткость и обостренность внимания в трактовке слов должна еще повыситься, поскольку в абхазском нет последовательной морфологии, и ее почти полностью, по существу, заменяет синтаксис, расположение слов, и слова учитываются в двух отношениях для правильного осмысления: и в отношении присущих им значений, и в отношении того или иного уточнения их многообразных значений путем постановки их на том или ином месте фразы. И все это по совокупности представляет сложную механику, несколько не более легкую от слабой представленности морфологии, не будь еще двух моментов, дающих абхазу в руки орудие для борьбы с многозначностью слов, полисемантизмом, и для доведения абхазской речи до тех уточнений в выражениях, до того слово-

¹ Об этом подробнее в работе «Орудивный и исходный падежи в абхазском и кабардинском» ДАН, 1928, стр. 219—226 [ИР, т. II, стр. 234—241].

творчества, на которые предъявляет свои требования современная культура, основанная на точности и моносемантизме, т. е. определенной без двусмысленности значимости каждого слова. И эти два момента, это — ударение и богатство звуков. Тот, кто думает помочь усовершенствованию абхазского языка уменьшением беспокоящих в письме звуков, напоминает человека, подрубающего ветвь, на которой он сидит. Отсюда вопрос об исключительной важности не только адекватной и полной передачи звуков в письме, но и внесения в начертания букв взаимной их увязанности по многим основаниям:

Во-первых, потому, что звуков, как их ни сокращать, в абхазском много, и если иметь буквы отдельные для каждого звука, совершенно особые без различения основной и прибавочной частей, как в цифрах происходит при писании единиц, десятков, сотен, тысяч и т. д., то мы получим неприступный форт свыше полсотни знаков, точно клинообразное письмо. Это в XX веке!

Во-вторых, если использовать знаки без системы, вытекающей из взаимоотношения звуков, то мы попадаем опять-таки в хаотический полиграфизм, ничем не лучший, чем когда вы, имея архаическое письмо, пользуетесь особой цельной буквой для каждого звука.

В-третьих, когда мы переходим на экзотическое письмо, латинское преимущественно и, при недочете лишь букв для основных звуков, на вносимые из греческого и русского эквиваленты, то вопрос не в том лишь, чтобы заменить одно письмо другим, а построить качественно новый алфавит соответственно современному нам пониманию природы языка, его строя и его идеологии, и дать, следовательно, в алфавите их техническое выявление.

В-четвертых, само собою понятно, что восприятие такого алфавита требует теоретического, т. е. научного, знания звуковой речи вообще и в частности абхазского языка. Если же настаивать на одном чисто формально-художественном или формально-фонетическом подходе без перспективы приобщения учащегося к учению об основной, именно идеологической стороне языка, то, пользуясь употребленным в Евангелии народным сравнением, я бы уподобил это в наши дни вручению ребенку, протягивающему руки за едой, — камня, более того — скорпиона, вместо хлеба или яйца. А если не пользоваться никаким сравнением и дать себе волю высказать откровенно мнение о таком формальном внедрении письма в головы детей или взрослых абхазов в XX в., то это если не преступление, во всяком случае вовлечение учащихся в невыгодную сделку.

Ибо, в-пятых, дело в настоящее время идет не об одной грамотности, не об овладении лишь алфавитом и умении так или иначе читать, что так или иначе будут писать по-абхазски, а об окультуренной грамотности, и нужно ли говорить, что абхазский язык в этом отношении представляет для абхазов в свете теоретического освещения громадной силы рычаг для поднятия уровня их культурности и для усиления сознательного отношения не только к родному языку, но и ко всем другим языкам, с которыми абхазам приходится или придется иметь дело, европейский ли это язык или азиатский.

В-шестых, не мешает помнить, что принятый аналитический алфавит имеет потенциальную приноворимость, без нарушения основ своей системы, ко всякого

рода языкам; это единственная транскрипция с идеологически обоснованным заданием учесть фонетические нормы всех систем, и, поскольку новое учение об языке имеет укрепляться и развиваться, а никак не сдавать место обреченной на отмирание так называемой лингвистике индоевропейцев с ее формальным методом, то транскрипция может, конечно, усовершенствоваться и развиваться, но не в том направлении, чтобы, порвав с цельностью и природой абхазских фонем, возвращаться к устаревшему способу выражать один цельный звук описательно двумя буквами или из угождения пережиточным предрассудкам предпочитать привычную неточную передачу упраздняемого в конце старого алфавита точной транскрипции и, следовательно, ставить гласный «и» вм. полугласного «w» и гласный «и» вм. полугласного «у».

Наконец, чтобы не утомлять вас еще иными основаниями, на самом же деле долблением аксиом в роде дважды два четыре, разрешу себе лишь скользнуть по бытовым препятствиям на тернистом пути продвижения научных достижений в массы.

а) Во-первых, раз в вашей среде намечается сильное течение, естественная реакция против новшеств и естественное желание идти по линии приносовления к старому алфавиту в целях обойтись без трудностей кризиса переходной поры, неизбежных при всякой революционной смене одного порядка другим, то соответственно надо прямо и откровенно заявить, что налицо совершенно ясная тенденция сохранить старое научное, именно формально-научное восприятие языка, будь оно миссионерское или индоевропейское (цена им в данном случае одинакова), и, если абхазы решат идти по этому пути, то могу предложить лишь одно — вернуться к старому алфавиту и не соблазняться видимостью новых как будто азбук на основе латинского письма, раз алфавиты, построенные индивидуалистически или по отжившим принципам старого учения (их размножилось как грибов после дождя), в новом мире корней пустить не могут, а при наличии рядом существующих исторических писем с древнекультурными традициями все эти кустарные опыты обречены на полный провал, ибо каждый из таких мнимонных алфавитов составлен без учета увязанности языка, который новаторы хотят облагодетельствовать, с другими языками.

б) Во-вторых, позволю себе лишь указать на явную неправду, когда в яфетидологическом алфавите, предложенном для восприятия в школах, указывают на какие-то буквы, имеющие значение будто для науки, но не для правильной письменной установки абхазского языка. По всей видимости, эти лица, практически не зная природы яфетических языков, языков более древней системы, привносят восприятие их языков от родной речи своей, русской или иной, где рядом с индивидуальным значением каждого звука в дикционном порядке имеется его ортоэпическое иное произношение в живой речи, плод дальнейшего согласования звуковой системы с более консолидированной организацией, формой социального строя. У нас на учете этих ортоэпических модальностей вовсе нет за их отсутствием. Или еще утверждают, что уже существует где-то в Европе какой-то общепринятый алфавит или общепринятая хотя бы в научных изысканиях транскрипция по всем языкам. Ничего подобного не только нет, но и не могло быть,

ибо в старой науке об языке предполагалось, что существуют различные семьи языков, ничего не имеющие друг с другом общего, идея же и затем и опыт осуществления единого алфавита могли появиться лишь с того времени, когда сложилось новое учение об языке, так называемая яфетическая теория, утверждающая родство всех систем, так называемых семей языков, увязывающая эти системы как отложения различных эпох единого глоттогонического (языко-творческого) процесса, и в этой цепи находящая место и для того лингвистического звена, которое называется абхазским языком.

Если же продолжать твердый курс, намеченный введением нового алфавита, то не только излишне считаться с суждением глухих, не разбирающих существования во всех языках яфетической системы, так даже в европейском, баскском (в сулетинском его наречии), трех основных разновидностей каждого ряда, губного — р, b, ф, заднеязычного простого k, g, q и аффрикатного k, ǵ, q̣, переднеязычного простого t, d, ʒ и аффрикатного t, ǵ, ʒ̣ и т. д., этого мало. Нет надобности терять время над устранением или ослаблением тех или иных особенностей, вызывающих сомнение со стороны технической затруднительности или художественной неприглядности, ибо массовая практика и жизнь только и может дать надежный материал для серьезного исправления, а не метафизические дискуссии и споры, уподобляющиеся спору со словами: «стрижено!», «брито!». Надо и без того дорогое время в первую голову использовать целиком на то, чтобы организовать приобщение преподавательского персонала к новому учению об языке и соответственному восприятию строя и природы абхазской звуковой речи. Надо, следовательно, преподавательские силы приучить к новому общественно-языковедному мышлению, порвав решительно и навсегда с формальным учением и его притязаниями. Что в этой линии может делать, а, может быть, и делает Академия абхазского языка и литературы, что может по своему ведомству сделать Наркомпрос Абхазии и что способна сделать молодежь, как писательская и агитирующая, так преподающая, в частности явно идущая на смену нынешним спецам этого дела, это уже вам, казалось бы, лучше знать. Я могу лишь высказать truизм — готовиться к этой смене работников, чтобы не быть захваченным врасплох. Я могу лишь высказать совет не упускать случая абхазам произвести свою культурную революцию, ибо вопрос об алфавите не кабинетный технический вопрос, а общественный и идеологический. В заключение, исходя из моего стимула к прочтению сегодняшнего доклада, именно дать в общем обзоре отчет о том, что делается по абхазскому языку при строительстве единой науки об языках всего мира, новом учении о звуковой речи, получившимся в результате развития так называемой яфетической теории, сказанное могу дополнить указанием, что, помимо намеченных к изданию АН абхазских сказок, собранных в свое время Бзыбским комитетом грамотности, сотрудничавшим с нами, готовлю палеонтологически освещенный словарь абхазского языка, пока в пределах опубликованного лексического материала, с соответственным разъяснением всех абхазских слов и форм, следовательно, с пересмотром наших же, но прежних, лишь формально-сравнительных анализов, разбросанных по различным печатным трудам. Для чего? Для того, чтобы

затем наслаждаться своим произведением в ареопаге единомышленников или делать предметом дискуссии противоборствующих специалистов? Нет. А для чего?

Для того, чтобы внести не только в мир лингвистов, ищущих жизненной правды, больше понимания важности изучения абхазского языка, притом не для одного Кавказа или хотя бы для всего построения науки об языке в мировом масштабе, но и внести методически, а не нахрапом, это же понимание в массы, интересующиеся абхазским как своей родной речью и как орудием абхазской общности и культуры, органически увязанной с советской общественностью и единой будущей мировой культурой.

Впрочем, новую технику этой готовящейся культурной революции абхазской нации предлагают некоторые из наших коллег поскорее ликвидировать, т. е. бросить ее в корзину для негодных бумаг. Но в таком случае пришлось бы туда же выбросить всю новую идеологическую работу над абхазским. Это едва ли кому-либо удастся. Может, удастся разве отбросить самих абхазов от приобщения к результатам этой научной работы. Этот метод нам хорошо известен: наука сама по себе и народ ни при чем сам по себе.

В заключение же разрешите кончить той грузинской поговоркой, какую я предпослал чтению доклада: «Невестка, тебе я говорю, а, золовка, ты меня слушай».